

Долгов В. В.

Биография Александра Невского в зеркале «исторического нарратива»

Биография Александра Невского в последнее время стала предметом бурных дискуссий: не всегда серьезных, но всегда шумных. Попытка очистить полотно «исторической реальности» от «напластований исторического нарратива» порой приводит к тому, что в порыве энтузиазма исследователи стирают весь красочный слой до тканой основы. На месте образа князя, знакомого нам по школьным учебникам (и уже поэтому несколько подозрительного), обнаруживается пустое место, размытое пятно, лишенное всякой определенности. Обнаружив это созданное их же усилиями зрелище, ученые реагируют по-разному. Одни патетически объявляют себя ниспровергателями замшелых догм и революционерами в науке. Другие, ударяясь в противоположную крайность, становятся апологетами едва ли не религиозного типа, пытаясь всеми силами спасти пострадавшую картину, вовсе отказавшись от исторической критики.

Истина, как это часто случается, лежит посередине. Критически смывая пласты позднейших напластований, важно вовремя остановиться, определить тот слой нарратива, который можно (пусть и с определенной долей гипотетичности) считать наиболее близким изучаемой эпохе, наиболее информативным с исторической точки зрения.

Понятно, что полученный результат в любом случае нельзя будет считать прямым отражением исторической реальности. Тем более, что речь идет о средневековой истории. Но это единственно плодотворный путь. Путь, лежащий между Сциллой и Харибдой: между крайностями гиперкритицизма и квазирелигиозной апологетики.

Попытке найти этот путь посвящена настоящая статья.

Летописец не отметил даты рождения князя Александра, несмотря на то, что его отец Ярослав Всеволодович, князь Переяславля-Залеского, был на момент его рождения весьма значительной фигурой на русском политическом небосклоне. Значительной ровно настолько, что на страницах суздальской летописи был отмечен факт рождения его первенца — Федора. Когда Ярослав возвысился и стал великим князем Владимирским, летописец начинает более детально фиксировать рождения его детей. Но Александр, будучи вторым сыном (из восьми), родился в тот момент, когда по негласному летописному этикету Ярослав Всеволодович еще «не дорос» до той степени значительности, чтобы записывать рождения каждого ребенка.

Поэтому, превратностью исторической судьбы, зная точные даты рождения его не очень примечательных старшего и младшего братьев, о дате рождения Александра можем судить лишь гадательно. Исследователи ориентируются на то, что восьмилетний Федор и его младший брат Александр упоминаются в Новгородской Первой летописи вместе, парой: «Ярославъ поиде съ княгининею

из Новгорода къ Переяславлю, а в Новгороде остави 2 сына своя, Федора и Александра, с Федоромъ Даниловицем и с тиуном»¹, «Тои же зиме побежа Федоръ Даниловиць с тиуном Якимомъ, и понявши с собой два княжичя, Федора и Александра»². Из этого делается вывод, что разница в возрасте между братьями была небольшая³. По умолчанию считают, что разница была — год. Поэтому датой рождения Александра называют 1220 или 1221 г. Но разница могла быть и два года, и три. Самостоятельно, без матери, под присмотром боярина и тиуна ребенка могли оставить едва он вышел из грудного возраста. Следовательно, хронологический зазор даты рождения Александра весьма широк.

Родители князя Александра состояли в кровном родстве, которое, впрочем, было достаточно дальним. Издревле церковные правила запрещали браки до шестой степени включительно. Дистанция же между отцом — князем Ярославом Всеволодовичем и матерью Федосией-Ростиславой Мстиславовной составляла семь степеней (т.е., говоря языком генеалогии, «рождений»). И по мужской, и по женской линии Александр является потомком Юрия Долгорукого. Юрий был дедом его отца, Ярослава, и приходился пра-пра-прадедом его матери Феодосии.

Константинопольский Собор 1168 г. по инициативе патриарха Луки Хрисоверга предписал расторгать браки между супругами, состоявшими в седьмой степени бокового кровного родства, но до Руси канонические новации доходили медленно. Еще и в XIV в. в тексте Софийской Кормчей седьмая степень родства при заключении брака называется разрешенной⁴. Однако можно сказать, брак этот был заключен «на грани» дозволенного, что, впрочем, было в княжеской семье обычным делом. При всей многочисленности потомков Рюрика найти семейство, отстоявшее на нужное количество колен, располагавшее невестой на выданье и подходящее по политическим мотивам, было непросто. Нередки были случаи, когда ради политических целей князья заключали браки с нарушением церковных запретов⁵.

Впрочем, в данном случае политический расчет выглядит весьма загадочно. В качестве новгородского князя Мстислав Мстиславич Удатный бесконечно враждовал и со своим будущим сватом князем Всеволодом III Большое Гнездо, и с зятем Ярославом Всеволодовичем. Причем, вражда эта, начавшись до возможного времени заключения брака, продолжилась и после.

Видимо, решающим в данном случае был не столько военно-политический, сколько чисто семейный, генеалогический расчет. Подходящие невесты

¹ ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 66.

² Там же. С. 67.

³ Кучкин В. А. О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. № 2. С. 174–176.

⁴ Расписание степеней родства и свойства, препятствующих браку // Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI–XV в. СПб., 1880. С. 143.

⁵ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Близкородственные браки Рюриковичей в XII в. как предмет вспомогательно-исторического исследования // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV международной научной конференции. Москва 31 января — 2 февраля 2013 г. Ч. 1. М., 2013. С. 96–102.

княжеского рода, удовлетворявшие церковным правилам, судя по всему, были в большом дефиците. Показательна фраза, вложенная в уста Ярослава неизвестным автором «Повести о битве на Липице». В 1216 г. произошла Липицкая битва, в которой Ярослав потерпел жесточайшее поражение от своего тестя. Согласно «Повести», Ярослав бы сильно расстроен не столько военным проигрышем, сколько тем, что Мстислав отозвал к себе свою дочь, его жену. Умоляя тестя Мстислава Удатного вернуть ему Ростиславу-Феodosию, Ярослав говорит: «Чи не бывает поточи княземь? А мене по правде кресть убил»⁶. То есть, по мнению князя, политические противоречия это одно дело — за них он принимает наказание от Бога (т.е. от «креста»), а лишать его за это жены нет никакой причины — это сфера отдельная.

Дата заключения брака не названа ни во Владимирской, ни в Новгородской летописях. Упоминание есть в «Летописце Переславля Суздальского», ставшем основным источником «Летописца русских царей» (сборник XV в.). Однако именно в смысле датировки свадьбы Ярослава этот текст помочь не может. Статья, помеченная 6722 г.⁷, в которой говорится о свадьбе, имеет сложный состав: автор летописного текста соединил известия, датированные по мартовскому и ультрамартовскому стилям в рамках одной статьи (то есть, в ней содержится рассказ о событиях и 1213/4, и 1214/5 г.)⁸. Кроме того, текст погодной статьи содержит упоминание, что год был високосный, что указывает на 6720 или 6724 г., что еще шире раздвигает границы возможной датировки событий, описанных в этой статье. Если, как считает Б.М. Клосс, имелся в виду 6724 г.⁹, то при ультрамартовской датировке получается 1215 г., а при мартовской — 1216¹⁰. Поэтому использовать эту статью, содержащую несколько несовместимых противоречивых хронологических признаков (титульная дата, набор событий, указание на високосный год), для датировки невозможно. О дате свадьбы можно судить лишь косвенно.

Как было сказано, после поражения на Липице, Ярослав был вынужден вернуть жену тестю. Остается предположить, что невеста была передана жениху незадолго до Липицкой битвы, и брак еще не был заключен положенным образом. Заключение брака в древнерусские времена — многоступенчатая операция. Особенно, в княжеской среде. Невесту сначала посылали во владения жениха, а уж потом играли свадьбу. Так, в 1187 г. послы явились за дочерью суздальского князя Всеволода Верхуславой на Пасху, которая тогда приходилась на март. А венчание состоялось осенью или даже в конце зимы — на Ефросиньин день¹¹ — во владениях жениха. Другой пример: между обручением и браком московского княжича Ивана Васильевича и тверской княжны Марии Борисовны и вовсе прошло три года. Поэтому ничего выходящего за пределы вероятия в такой растянутой процедуре нет. Невеста какое-то время могла жить в семье жениха, не будучи его женой. Иначе, возвращение Мстиславу дочери вряд ли было возможно.

⁶ Повесть о битве на Липице // БЛДР. Т. 5. XIII век. СПб., 1997. С. 86.

⁷ ПСРЛ. Т. 41. М., 1995. С. 131–132.

⁸ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1967. С. 96.

⁹ Клосс Б.М. Предисловие // ПСРЛ. Т. 41. С. IX.

¹⁰ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. С. 349.

¹¹ ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 658.

Через четыре года после этих событий суздальская летопись фиксирует появление первенца — Федора, старшего брата легендарного князя. Произошло оно в 6728 г. (или, по мнению В. А. Кучкина, в феврале 1220 г.¹²) Т.е. на каком-то этапе Феодосия была возвращена мужу. Однако это возвращение никак в источниках не отразилось. Поэтому личность матери Александр Невского и история начала её взаимоотношений с Ярославом Всеволодовичем остается во многом спорной¹³.

Имя юному князю нарекли необычное. Потомков Рюрика с именем Александр в древнерусские времена было всего трое. Причем, первым из них был именно герой настоящей статьи. Важно понимать, что Александр родился в эпоху смены парадигмы имянаречения. Традиционно у русских князей было два имени — «княжеское», языческое, основное — то имя, под которым князь выступал в своей государственной функции и фиксировался летописью, и другое — крестильное. Область применения крестильного имени была уже — под ним князь предстал «перед Богом», оно использовалось в церковном обиходе. Причем, обычай двуименности был освящен и легитимизирован авторитетом св. Феодосия Печерского, который считал его достоинством православного обычая перед католическим¹⁴.

Наиболее полный список сыновей Ярослава содержится в Типографской летописи: «Ярослави сынове: Феодоръ, 11. Александръ, Андрей, Костянтинъ, Афонасей, Данило, Михаиле, Ярославъ, Василей Костромской»¹⁵. Как видим, «княжеское» имя в нем всего одно — Ярослав, в крещении называвшийся Афанасием¹⁶. Все остальные дети Ярослава вступают на историческую арену под своими крестильными, христианскими именами.

По обычному в эпоху средневековья порядку Александра стали привлекать к выполнению княжеских обязанностей с самого юного возраста. Начало XIII в. было временем относительно спокойным для Руси. Извечные степные враги — половцы — были прочно замирены и во многих случаях выступали союзниками русских князей. Степная знать породнилась с русской: многие князья брали в жены половецких принцесс, обеспечивая себе поддержку кочевых кланов. Опасность с запада также была еще невелика. Папские агенты только начали свое проникновение в Прибалтику. В 1202 г. в Риге был основан орден меченосцев с уставом храмовников, сыгравший важную роль в распространении католичества в регионе. Однако католическую экспансию в прибалтийском регионе в то время сдерживала в основном Полоцкая земля.

¹² Кучкин В.А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 2.

¹³ Известный исследователь генеалогии Н. А. Баумгартен предполагал наличие у князя третьей жены, которая и стала матерью его детей (*Баумгартен Н.А. К родословию великих князей Владимирских. Мать Александра Невского // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1908. Вып. 4 (16). С. 21–23*). Эта гипотеза была подвергнута основательной критике В.А. Кучкиным. Однако, при всей убедительности его доводов, считать проблему полностью разрешенной нельзя.

¹⁴ Поучения и молитва Феодосия Печерского // БЛДР. Т. 1. XI–XII века. СПб., 1997. С. 448–450.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 227.

¹⁶ Кучкин В. А. О дате рождения Александра Невского. С. 174–176.

Главной же опасностью, с которой сталкивались в начале XIII в. русские князья, были они сами. Страну раздирали кровавые междоусобицы. Враждовали между собой несколько отраслей Рюрикова рода. Каждая из отраслей стремилась закрепить за собой максимальную территорию. Это давало возможность получать максимальный доход. Доход же позволял увеличивать численность дружинных отрядов, а те, в свою очередь, открывали возможность новых завоеваний. Новгород был важной фигурой на политической доске Руси. За контроль над ним боролись представители суздальской и черниговской ветвей. Зачастую главы княжеских группировок сами не могли сесть на новгородский престол — их отвлекали события, происходившие в стратегически важных южных и северо-восточных частях Руси. И тогда отцов на престоле Великого Новгорода замещали сыновья. Традиция эта была заложена еще князем Святославом I Игоревичем, отправившим на княжение в Новгород малолетнего Владимира, будущего крестителя Руси. Некоторое время новгородский престол воспринимался как следующий по значению за киевским. С новгородского стола начал активную княжескую карьеру и Ярослав Мудрый.

Князья XII–XIII вв. продолжили традицию, заложенную их предками. Уже в 1230 г. Федор и Александр были посажены отцом в качестве князей в Новгороде. Нетрудно сосчитать, что старшему из дуумвиров было всего десять лет. Причем, на новгородском престоле братья сменили князя Ростислава Михайловича, представителя черниговской династии, которому в момент вступления на престол было три года, а на момент, когда новгородцы «показали ему путь» — четыре¹⁷. Это, конечно, не был «детский дворцовый переворот». За спинами детей стояли их княжеские кланы.

Вместе с тем, малолетние князья в некотором смысле действительно заменяли своих отцов. Понятно, что предводительствовать в битве или вести переговоры 10-летний ребенок не мог. Но в качестве сакральной фигуры и символа вершины социальной иерархии исполнял функцию не хуже взрослого. Кроме того, нужно принимать во внимание мощнейший воспитательный аспект. Юный князь с самого детства привыкал к делам управления.

Самостоятельное княжение началось в 1236 г. Отец, князь Ярослав, ушел княжить в Киев. И не просто оставил сына в Новгороде, как бывало раньше, а именно «посадил», то есть сделал князем уже вполне официально¹⁸.

Безвестный автор «Жития Александра Невского» рисует нам князя красивым человеком, громогласным, сильным и смелым: «Но и взоръ его паче инех человекъ, и глас его — аки труба в народе, лице же его — аки лице Иосифа, иже бе поставилъ его египетский царь втораго царя въ Египте, сила же бе его — часть от силы Самсоня, и даль бе ему Богъ премудрость Соломоню, храбрѣство же его — аки царя римскаго Еуспесиана, иже бе пленилъ всю землю Иудейскую»¹⁹. Нужно, однако, понимать, что это не «словесный портрет», а, скорее, «словесная икона», призванная показать князя личностью библейского масштаба.

На настоящих иконах князя принято было изображать либо в виде схимонаха (князь перед смертью принял схиму под именем Алексей), либо в виде

¹⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 70.

¹⁸ Там же. С. 74.

¹⁹ Житие Александра Невского // БЛДР. Т. 5. XIII в. СПб., 1997. С. 357.

сидящего на коне воина. Вот как описывают внешность князя иконописные «подлинники» (т.е. словесные инструкции для иконописцев) XVI–XVII вв.: «брада аки Козмина, в схиме, кудерцы видеть маленько из-под схимы, риза преподобническая, испод дымчат, в руке свиток сжат, сам телом плечист»²⁰. Там же, где Александр изображался в виде князя-воина, писать его следовало так: «преподобный Александр Невский аки Георгий: риза — киноварь, испод — лазорь»²¹.

Начиная с эпохи петровских реформ, преобладающим стал тип иконы, на котором князь изображается «в княжеской одежде или в горностаевой мантии, в броне, с лентой своего ордена через плечо, в царской короне или в шапке из горностаея, с крестом и нимбом над головой, с мечом в левой руке и на коне»²². Увы, изображения на иконах не могут дать нам представление о реальной внешности князя, а лишь о том образе, который закрепился за ним в культуре. Восстановление внешности князя по методике М. М. Герасимова также проблематично, хотя его мощи сохранились. О характере этих проблем будет сказано далее.

В 1239 князь Александр женится. Невестой его стала дочь полоцкого князя Брячислава Васильковича. Однако на этом достоверная информация о женах Александра заканчивается. В.Н. Татищев называет дочь полоцкого князя Параскевой. Откуда взял это имя «последний летописец», не ясно²³, сам он не указывает источник своей информации. Н.И. Карамзин отмечает, что в Успенском княгинином монастыре во Владимире «стоят три гроба: первый (как означено в надписях) Великой княгини Александры, супруги благоверного князя Александра Невского, второй дщери его, княжны Евдокии; а третий (на левой стороне), благоверной княгини Вассы, второй супруги Александра Невского»²⁴. Свидетельство Карамзина выглядит более надежным. Могилы эти можно было наблюдать еще и в начале XX в.²⁵ Однако монастырский храм, в котором рассматривал гробницы Карамзин, построен в XV в. на месте прежнего, разоренного в годы монголо-татарского нашествия. Велика ли вероятность, что могилы могли уцелеть? В советское время Успенский храм эксплуатировался сначала в качестве зернохранилища, потом как музей. Монастырское кладбище уничтожено²⁶. Поэтому даже тот интерьер, который наблюдал Кармазин, не сохранился до наших дней²⁷. Пролить свет на этот вопрос могло бы археологическое исследование подземелий храма.

Как бы ни звали жену князя, по древнерусским представлениям женитьба означала полное совершеннолетие и начало самостоятельной взрослой жизни

²⁰ *Бескровный А.* Святой благоверный великий князь Александр Невский (иконы и церковно-монументальная живопись) // Православный взгляд. № 4 (15). 2011. С. 62.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 63.

²³ *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. СПб., 1784. С. 2.

²⁴ *Карамзин Н.И.* История государства Российского. Т. 4. Примечания. СПб., 1918. С. 60.

²⁵ *Косткин В.В., прот.* Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия. Краткие исторические сведения с приложением описи сохраняющихся в них древних предметов. Ч. 1. Монастыри. Владимир, 1906. С. 213.

²⁶ *Минин С.Н., свящ.* Очерки по истории Владимирской епархии (X–XX вв.). Владимир, 2004. С. 11–13.

²⁷ Сейчас внешнее оформление захоронений частично восстановлено. За информацию автор выражает сердечную благодарность владимирскому историку С.Н. Тыновскому.

ни, в которую юный князь тут же и включился. Рассказ о следующем, 6748 (1240) г. в НЛ начинается с описания грандиозного нашествия: «Придоша Свеи в силе велице, и Мурмане, и Сумь и Емь в кораблихъ множество много зело»²⁸. Случившаяся затем Невская битва обросла в отечественной культуре огромным шлейфом текстов, которые сами по себе являются интересным материалом для изучения.

Очевидно, наиболее простым и до известной степени непосредственным повествованием о Невской битве является сообщение НЛ старшего извода, составленное современником «по горячим следам». Узнав об угрозе, молодой князь немедля с отрядом новгородцев и ладожан «приде на ня, и победи я силоу святыя Софья и молитвами владычица наша Богородица и приснодевица Мария, месяца июля въ 15»²⁹. Разумеется, даже самый «непосредственный» рассказ не может считаться прямым «отражением» произошедшего события. Повествование летописца носит следы весьма распространенного во все времена желания изобразить воинский подвиг своих сограждан более весомым, значительным. Поэтому потери сил противника в сравнении с потерями новгородцев выглядят неправдоподобно большими: шведы загрузили мертвыми телами «вятшихъ» мужей два корабля, а остальных «бещета» зарыли в выкопанную яму. Новгородцев же вместе с ладожанами пострадало двадцать человек. Вряд ли летописный нарратив (как и любой другой) даст возможность ближе подойти к реальным обстоятельствам битвы. Но само это наивное стремление самими простыми средствами приукрасить битву является свидетельством близости автора сообщения произошедшим событиям.

В дальнейшей литературной традиции повествование развивалось, накапливая дополнительные подробности как событийного, так и религиозно-символического характера. «Канонизация» Невской битвы произошла изначально в контексте церковного, православного дискурса, а затем и в контексте дискурса светского, ученого и школьного. На определенном этапе развития текстов, повествующих о Невской битве, у многих исследователей и исторических писателей возникло желание провести «деконструкцию нарратива» и ниспровергнуть заученные со школы штампы.

Определенная польза в этом исследовательском порыве была. В ходе поисков обнаружили новые межтекстуальные связи, проявились тонкие аллюзии на религиозные тексты в историческом повествовании. Стало понятно, что не всем деталям летописного или агиографического теста, сколь бы они не выглядели «жизненно», можно доверять. Однако, в целом, «деконструкция» увлекла ученых в крайность скептицизма и заставила усомниться в тех материях, которые, по зрелом размышлении, самим фактом «цитатности» или «центонности» (в терминологии И.Н. Данилевского) опровергнуты быть не могут. Понятно, что ход битвы, имена погибших, «божественные знамения» и пр. могут быть плодом авторского вымысла. Но факт большого интереса русских книжников к Невской битве, интереса, проявившегося в создании огромного количества текстов — объективный факт. Следовательно, именно в *значении* этой битвы для древнерусского общества сомневаться не приходится вне зависимости от её реальных масштабов.

²⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 77.

²⁹ Там же.

Если все-таки доверять современным событию письменным источникам, не приходится сомневаться и в реальности этой битвы. Хотя, многие детали её остаются спорными до сих пор. Так, не ясно, кто возглавлял шведское войско. Согласно «Житию Александра Невского», войско возглавлял король. Королем в Швеции в то время был Эрик Эрикссон. Однако в поздних русских летописях, а вслед за ними и в работах историков (начиная с Н. М. Карамзина) называется имя двоюродного брата ярла Ульфа Фаси — Биргера Магнуссона. Версия эта, как недоказуемая, была отвергнута И. П. Шаскольским, показавшим, что имя Биргера возникает только в поздних списках Новгородской четвертой летописи в XV в. Источником сведений выступило «Рукописание Магнуша» — полемическое произведение, описывавшее неудачные походы шведов на Русь, составленное в начале XV в. По мнению И.П. Шаскольского, неизвестный автор «Рукописания» пользовался устной информацией, полученной от шведов. По мысли исследователя, эти шведы могли знать, что происходило 150–200 лет назад только очень приблизительно. Они помнили из той эпохи только Биргера-ярла, поэтому-то и указали его в качестве предводителя неудачного похода шведского войска, потерпевшего поражение в Невской битве.

Таким образом, вопрос о надежности этих сведений упирается в вопрос о том, что могли помнить шведы о событиях вековой давности. Многочисленные фольклорные примеры показывают, что народная память склонна впадать в ошибки скорее хронологические, чем фактические. Вряд ли человек эпохи средневековья, мыслящий в рамках традиционного хронотопа, мог сказать, в каком именно веке жил граф Роланд или Илья Муромец, но направление линий военного противостояния были запечатлены эпосом в целом верно. Если Биргер сохранялся в народной памяти шведов XIV–XV вв., то основные вехи его жизни не могли из нее стереться.

Шаскольский указывал на «Хронику Эрика» как на иллюстрацию того, что могли помнить шведы о событиях столетней давности. Но сам панегирический характер фрагмента хроники, посвященного Биргеру, вряд ли допускал рассказ о неудачном походе. В свете сказанного интересны исследования останков Биргера, проведенные в 2002 г. Череп несет следы ранения: надбровная дуга над правой глазницей рассечена. Материалы исследования черепа размещены на сайте Стокгольмского Музея средневековья (Medeltidsmuseum). На базе этого музея антропологом Оскаром Нильссоном была проведена научная реконструкция внешности ярла. Музей посвятил реконструкции лица ярла отдельную статью³⁰: «Till kraniet har vävnad och muskler lagts på tills ansiktet framträtt. I det här fallet med grop i hakan, **ett skadat ögonbryn och märken efter ett svärdshugg**»³¹. Одна из самых старых и популярных шведских газет Svenska Dagbladet опубликовала в 7 апреля 2010 г. большую статью о том самом антропологе и скульпторе Оскаре Нильссоне, создавшем широко известную реконструкцию внешности ярла. Нильссон, изучивший каждый миллиметр останков,

³⁰ Birger jarls ansikte. URL: <http://medeltidsmuseet.stockholm.se/utställningar/Museet/birger-jarls-ansikte>

³¹ «Ткань и мускулы прилагались к черепу до тех пор, пока не проявилось лицо. В данном случае — с ямкой в подбородке, **повреждённой бровью и следами пореза, нанесённого мечом**».

так описывает процесс восстановления лица: «Kraniet skvallrar om en skada ovanför ögat, förmodligen ett svärdshugg i ett fältslag»³².

Как видим, локализация раны прямо соответствует тексту «Жития»: «и самому королю възложи печать на лице острыми своими копиемь»³³. Разумеется, вышесказанное не может считаться твердым доказательством того, что противником Александра Невского был именно Биргер. Однако именно эта версия «примириет» между собой множество фактов.

Во-первых, то обстоятельство, что сведения о походе отсутствуют в шведских источниках — Биргер в то время не был еще ярлом и его поход был не государственным, а частным делом. По этой же причине наиболее близкая по времени летописная заметка именуется вождем шведского войска князем, а написанное существенно позже «Житие Александра Невского» — королем. На момент составления летописной статьи он был младшим родственником ярла (значит, по русским представлениям, именно князем), а когда составлялось Житие — фактическим королем.

Во-вторых, именно личностью Биргера можно объяснить, почему не очень масштабная по числу участников береговая стычка постепенно обретала все больший и больший вес в русской книжной традиции. Значение росло пропорционально карьерным успехам Биргера и его потомков. Таким образом, победа над молодым и далеко не самым влиятельным шведским аристократом, одним из многих, постепенно превращалась в победу над правителем Швеции и основателем королевского рода.

Наиболее подробный рассказ о ходе сражения содержится в «Житии Александра Невского», которое было составлено (и это важно помнить) современником событий. В рассказе книжника содержится немало мистических пассажей и явно вымышленных деталей вроде воспроизведения текстов уединенных молитв и частных диалогов персонажей. Однако нет никаких причин подвергать на этом основании сомнению сам сюжетный субстрат, в котором нет ничего невероятного или даже экстраординарного. Сличая тексты жития и летописи, мы можем видеть, что развитие повествования о Невской битве шло по линии метафизического осмысления событий. Именно этому и служили все вышеозначенные «книжные» элементы. Событийная канва в летописном и житийном повествованиях практически идентична.

В общих чертах рисунок боевых действий выглядел следующим образом. Шведы появились на территории, подконтрольной Новгороду, но, судя по всему, не имевшей постоянного русского населения. Обычно летописец конкретизирует географические координаты, указывая на города и сёла, близ которых происходят события. В данном же случае он ограничивается указанием на то, что противник вошел в Неву и остановился в устье реки Ижоры (т.е. едва выйдя за границы современной городской черты Петербурга, в двухстах километрах от Новгорода). Таким образом, вторжение оставалось какое-то время незамеченным. Это давало шведам возможность неожиданно напасть на Ладогу. Именно таково было их намерение, по мнению летописца. Поэтому своевременное обнаружение

³² Birger jarl växer fram // Svenska Dagbladet. 2010. 7 apr, 2010. — «Череп свидетельствует о повреждении над глазом, предположительно о ранении мечом в сражении».

³³ Житие Александра Невского. С.362.

шведского десанта летописец связывает с особой божественной заботой: «но еще преблагый, премилостивый Человеколюбец Богъ ублюде ны и зашити от иноплеменникъ, яко всеу трудишася без божия повеления: приде бо вестъ в Новъгородъ, яко Свеи идуть къ Ладозе»³⁴. Другими словами, обнаружение десанта, судя по всему, было делом счастливого случая. Это и дало возможность древнерусским книжникам развить на этом сюжетном моменте рассуждение и божественной защите.

Сюжет со своевременным оповещением об опасности был, видимо, очень важен для современников. Поэтому в «Житии» он получил дальнейшее развитие. Согласно «Житию» более объемные сведения о вторжении Александру доставил «некто мужъ старейшина в земли Ижерстей, именем Пелугий, поручено же бысть ему стража ночная морская»³⁵. В районе р. Ижоры жили финно-угорские племена, которые в массе своей не были крещены. Но согласно «Житию», Пелугий был крещен, носил в крещении имя Филипп и вел богоугодный образ жизни. Он и сообщает князю «силу ратных» и их «станы». Однако специфика агиографического текста такова, что главным в его сообщении выступает не военно-тактическая, а религиозно-мистическая составляющая. Пелугий-Филипп поведал князю о чудесном явлении ему насада (тип судна), в одиночестве идущего по морю. Гребцы этого насада сидели, «аки мглою одеянии». Зато ясно было видно, как посередь корабля стоят святые Борис и Глеб в красных одеждах. Святые стояли, возложив руки друг другу на плечи. Борис, произнес: «Брате Глебе, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру»³⁶.

Вопрос о том, что в действительности видел ижорский старейшина, мы оставим за скобками. В науке неоднократно обсуждался вопрос, что «непосредственное», «наивное», «основанное на здравом смысле» восприятие средневековых текстов может привести исследователя к ошибочным выводам. Однако крайность гиперкритицизма тоже может завести в дебри. По всей видимости, Александр на самом деле получил известие о высадке противника от дружественного вождя соседнего финно-угорского племени.

Дальнейшие события и летописью и житием также изображаются в общих чертах одинаково. Помолившись в главном новгородском храме св. Софии, Александр устремляется на врага и побеждает его. Ощущение особой достоверности текстам придает перечисление имен воинов, отличившихся во время битвы. В житийном тексте перечислены, судя по всему, дружинники Александра, а в летописном — простые новгородцы, погибшие на поле боя.

Атака была произведена на пришвартованные корабли и лагерь, разбитый на берегу. Житие отмечает шестерых особенно отличившихся героев битвы. Отличился знаменитый предок А.С. Пушкина — Гаврила Олексич: «се наеха на шнеку видев королевича, мча подъ руку, и възъеха по досце и до самогу коробля, по ней же хожаху с королевичем, иже текоша передъ ним, а самогу, емше, свергоша и с конем в воду з доски. И Божкою милостью неврежень бысть, и паки наеха, и бися с самем воеводою среди полку ихъ»³⁷. Новгородец Сбыслав

³⁴ ПСРЛ. Т. 3. С. 77.

³⁵ Житие Александра Невского. С. 360.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 362.

Якунович бился одним топором, «не имея страха в души своей». Полочанин Яков напал на врага с одним мечом, чем заслужил похвалу князя. Новгородцу Мише «с дружиною своею» удалось потопить три шведских корабля. Другой дружинник из полка Александра, «от молодых его» (т.е. из младшей дружины) въехал на коне «в шатеръ великий королевъ золотоверхий и подъсече столпъ шатерный. Полци Олександрови, видевше шатра паденье, върадовашася». Шестой герой — «от слугъ его [Александра – В.Д.], именем Ратмеръ. Се бияя пешь, и отсупиша и мнози. Он же от многих ранъ паде и тако скончася».

Странное на первый взгляд для житийного текста описание примеров воинской удали дружинников тесно связано со специфическим пониманием характера святости Александра, который являл собой тип святого воина, не преподобного или стратотерпца. Проникновение элементов воинского этоса в систему христианских ценностей произошло уже в первые века бытования православия на Руси и надолго закрепилось в качестве элемента культурного своеобразия.

Для Александра эта битва стала боевым крещением. То, что глава государства лично возглавил атаку на врага, было в порядке вещей. От древнерусского князя ждали личного участия во всех предприятиях. В битве он лично предводительствовал войском, увлекая его своим примером, выступая впереди всех на лихом коне. На войне хороший князь сам, не полагаясь на воевод, устраивал наряд сторожевой службы, а на охоте ловчий наряд, в церкви — наряд церковной службы. Дома он вникал во все мелочи организации хозяйства, не поручая заботу об этом ни тиуну, ни отроку. Сам творил суд, сам встречал гостей, сам проявлял удаль на охоте, сам говорил на иностранных языках. Он не мог быть ни лентяем, ни засоней, ни обжорой. Таким представлен идеальный князь в «Поучении» Владимира Мономаха. Набор прекрасных личных качеств составлял его «личный капитал», обеспечивавший ему авторитет, сходный с авторитетом «старших мужчин» родовой эпохи. Этим древнерусские реалии отличались от синхронных им византийских. Как было показано И. С. Чичуровым, образ идеального правителя, сложившийся в византийской политической мысли, имел совсем иные черты: «Развитой государственно-бюрократический аппарат ставил василевса прежде всего перед необходимостью контроля за ним. Неудивительно поэтому, что в византийских «княжеских зеркалах» мы не встретим трактовки личных трудов императора, подменяющих деятельность должностных лиц»³⁸. Общественное развитие Руси не зашло еще настолько далеко, чтобы изжить представление о князе как о вожде, который должен быть лучшим во всем³⁹. Александр Невский — характерная фигура русского средневековья.

Блестящая победа на Неве не уберегла Александра от конфликта с новгородцами: «В то же лето, той же зимы выиде князь Олександръ из Новагорода къ отцю в Переяславль съ матерью и с жаною и со всем двором своимъ, роспревся

³⁸ Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М., 1991. С. 149.

³⁹ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. С. 35; Одесский М.П. Поэтика власти в Древней Руси // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2000, № 1. С. 5; Петров А.В. Несколько замечаний о древнерусском «одиначестве» // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. № 6. С. 71–83.

с новгородци»⁴⁰. Разрыв отношений с князем привел к активизации действий немцев в регионе. Поэтому уже в следующем 1241 г. Александр возвращается. Его возвращение отмечено летописцем традиционным упоминанием о том, что новгородцы «ради быша». И радость их была вполне закономерна. Александр вновь проявляет себя решительным полководцем и сразу после возвращения берет захваченный немцами город Копорье, приводит пленных.

Следующий 1242 год отмечен битвой, «канонизированной» в отечественной культуре едва ли менее Невской. «Ледовое побоище» — сражение между русским войском, представленным новгородским и суздальскими полками с одной стороны, и войском немецким, костяк которого составляли рыцари Ливонского ордена с другой. Помимо сил Ливонского ордена (представлявшего на тот момент филиал, ландмайстерство Тевтонского ордена в Прибалтике) с «немецкой» стороны в битве участвовал отряд Дорпатского епископа Германа фон Бекесховедена и отряды «чуди», т.е. представителей местных финно-угорских племен.

Научных и околонучных споров «Ледовое побоище» вызывает меньше, чем Невская битва, поскольку информация о нем содержится не только в русских, но и в зарубежных источниках. Два основных источника: НЛ и Старшая ливонская рифмованная хроника одинаково изображают последовательность событий и тактический рисунок битвы.

Новгородцы под командованием Александра совместно с отрядом «низовцев» (т.е. суздальцев), возглавлявшихся братом Александра Андреем, «изгоном», неожиданно берут захваченный немцами Псков, а затем вторгаются в земли чуди. Понимая, что своими силами ему не справиться, епископ Дорпатский обращается за помощью к рыцарям Ливонского ордена. Магистр немедленно откликнулся и привел с собой «многих отважных героев, смелых и отборных»⁴¹.

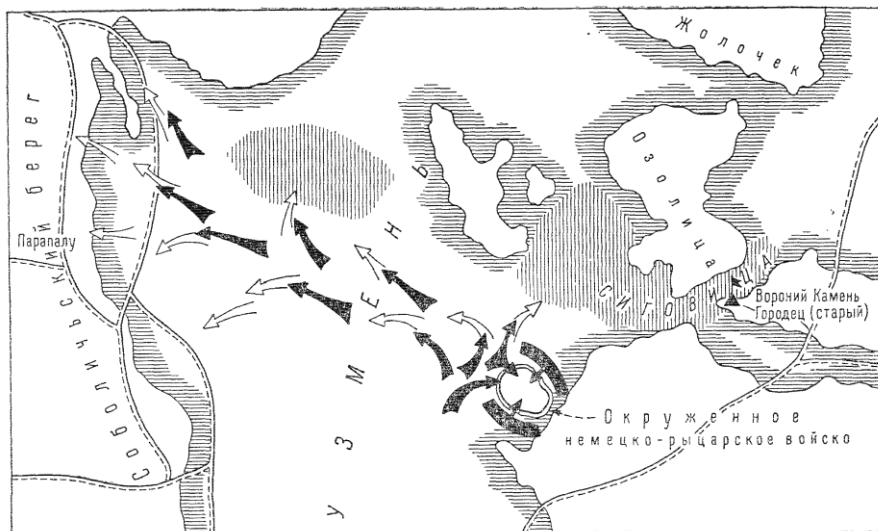
Передовой отряд новгородцев под командованием Домаша Твердиславича и Кербета «быша в разгоне» и случайно столкнулись с немецким отрядом. Произошла битва, в который русский отряд был разбит, а Домаш Твердиславич «муж честен», брат новгородского посадника, погиб. Остатки отряда «къ князю прибегоша в полкъ». И князь «въспятися», то есть отступил на лед Чудского озера, где и произошла битва.

О точном месте, где произошло сражение, ученые спорили очень долго. Грандиозное комплексное исследование этого вопроса было проведено в 60-х гг. XX в. в ходе экспедиций под руководством Г.Н. Караева. Окрестности озера исследовались археологами, этнографами, геодезистами, акватория озера была исследована гидрологами, а дно — водолазами. В результате была реконструирована схема событий, которая по сей день является самой аргументированной версией локализации битвы⁴².

⁴⁰ НЛ старшего и младшего изводов / С предисл. и под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. Стб. 78.

⁴¹ Рифмованная хроника // Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII — 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 230.

⁴² Ледовое побоище 1242. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища/ Под ред. Г.Н. Караева. М.; Л., 1966. 254 с.

Преследование рыцарского войска ⁴³.

Немцы начали битву таранным ударом «свиный», прорвав передовой отряд лучников.

Новгородская летопись	Рифмованная хроника
И наехаша на полкъ Немци и Чудь и прошибошася свиныею сквозе полкъ, и бысть сеча ту велика Немцемъ и Чуди ⁴⁴ .	Выстроившись перед войском короля Видно было, что отряд братьев Строй стрелков прорвал Был слышен звон мечей И видно, как раскалывались шлемы ⁴⁵ .

Начинается жестокая битва. «Бе же тогда субота, въсходящу солнцю, и съступишася обои. И бысть сеча зла, и трусь от копий ломления, и звукъ от сечения мечнаго, яко же и езеру померзшыю двигнутися, и не бе видети леду, покры бо ся кровию»⁴⁶, — так битва описана в «Житии Александра Невского».

Далее битва развивалась именно так, как это привычно изображали в школьных учебниках. После прорыва находившегося в центре строя лучников орденское войско двинулось вперед, но было атаковано с флангов и оказалось в окружении:

Те, кто были в войске братьев,
Оказались в окружении.
У русских было такое войско,
Что, пожалуй, шестьдесят человек

⁴³ Там же. С. 161.

⁴⁴ Рифмованная хроника. С. 230.

⁴⁵ Там же. С.234.

⁴⁶ Житие Александра Невского. С. 364.

Одного немца атаковало.
Братья упорно сражались.
Всё же их одолели⁴⁷.

Понятно, что соотношение 1 к 60 — маловероятно. Но в остальном картина, нарисованная немецким хронистом, сомнений не вызывает. Собственно, иного тактического ответа на прорыв строя рыцарским клином дать было невозможно. И Хроника и Новгородская Первая Летопись сообщают, что часть немецкого войска была повергнута в бегство, а часть погибла.

Новгородская летопись	Рифмованная хроника
А Немци ту падоша, а чудь даша плеща; и, гоняче, биша ихъ на 7-ми версть по леду до Суболичьскаго берега; и паде чюди бещисла, а Немець 400, а 50 руками яшя и приведоша в Ноьгородь ⁴⁸ .	Часть дорпатцев вышла Из боя, чтобы спастись. Они вынуждены были отступить. Там двадцать братьев остались убитыми И шестеро попали в плен. Так прошел этот бой ⁴⁹ .

Некоторые спорные моменты есть, конечно, и в истории Ледового побоища. Прежде всего, бросается в глаза разница в численности погибших и плененных немцев. Но, как уже говорилось выше, число жертв — это цифры, которым менее всего можно доверять, если речь идет об описании боевых действий (причем, не только в эпоху средневековья, но во все времена). Кроме того, следует принять во внимание, что автор Хроники ведет учет только пленным «братьям», т.е. рыцарям, которые были членами ордена, а летописец считает всех «Немец».

Далее, не вполне ясен следующий момент. Из текста НЛЛ следует, что Александр выстроил войска на льду Чудского озера. И, победив, гнал вражье войско: «биша ихъ на 7-ми версть по леду до Суболичьскаго берега»⁵⁰. В Рифмованной же хронике, которая, как было показано, достаточно близко летописи передает ход событий, говорится, что «с обеих сторон убитые падали на траву»⁵¹. При общем совпадении канвы повествования в летописи и в хронике такое различие выглядит странным. Исследователи видят в этой фразе («падали на траву») либо идиоматическое выражение, обозначававшее гибель в бою, либо отрицание реальности (торчащий из-под льда на мелководье камыш)⁵².

Кроме того, не ясно, имела ли место в реальности сцена, столь ярко показанная в знаменитом фильме Эйзенштейна, когда рыцари проваливаются под лед озера. Упоминание об этом содержится только в Псковской III летописи («а иных вода потопи»⁵³), являющейся сводом XVI в., и вполне может быть до-

⁴⁷ Рифмованная хроника. С. 324.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 78.

⁴⁹ Рифмованная хроника. С. 233.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 78.

⁵¹ Рифмованная хроника. С. 234.

⁵² Там же. С. 240.

⁵³ Псковские летописи. Вып. 2 / Под. ред. А.Н. Насонова. М., 1955. С. 82.

мыслом летописца, знавшим, что в апреле лед уже некрепок (тем более лед Чудского озера, со дна которого бьют теплые ключи).

Тем не менее, сомнительными остаются именно детали, не дающие основы для тотальной дискредитации данных исторических источников, которую производит в своей работе Дж. Феннел. Английский историк считал, что величина сражения преувеличена⁵⁴.

В качестве критерия оценки он использует количество погибших, что уже само по себе странно, поскольку сложно ожидать от хронистов и летописцев точных и объективных данных о количестве жертв, как в своих рядах, так и в рядах противника. Свои потери почти всегда преуменьшаются, потери противника — преувеличиваются. И нет никакого постоянного коэффициента, по которому бы можно было подойти к определению реальных цифр. Поэтому всякая арифметика в этом деле выглядит весьма наивно.

Кроме того, даже если рассуждать в рамках этой небезупречной логики и полностью доверять только немецким источникам, цифры все равно получаются достаточно весомые. Рифмованная хроника указывает, что в ходе Ледового побоища были убиты двадцать рыцарей, и шесть взяты в плен. Хроника Тевтонского Ордена (XV в.) указывает суммарные потери при освобождении Александром Пскова и Ледовом побоище (события эти происходили последовательно и были составными частями одного похода новгородского войска) — семьдесят ливонских рыцарей⁵⁵. Если исходить из того, что сам Феннел считал число рыцарей в обоих орденах (Тевтонском и Ливонском) в этот момент равным примерно сотне⁵⁶, то потери могут быть названы, как минимум, внушительными.

Если же перейти от количественных критериев к качественным и проанализировать тексты письменных источников с точки зрения их оценок произошедшего, то ситуация выглядит существенно проще. И в Старшей ливонской рифмованной хронике, и в Новгородской первой летописи событие это представлено как весьма значительное: трагичное для рыцарей и радостное для новгородцев. В целом, знакомая со школьных уроков истории схема без особого труда выдерживает «деконструкцию нарратива».

Для понимания роли Александра в противостоянии Руси католическому влиянию большое значение имеют послания римского папы Иннокентия IV, адресованные Александру. Эти послания сохранились в собраниях Ватикана благодаря тому, что при папском престоле уже в XIII в. функционировал отлаженный бюрократический механизм: исходящая корреспонденция составлялась в двух экземплярах, один из которых посылался адресату, а другой сохранялся в архиве. Благодаря этим документам мы имеем возможность взглянуть на события не только глазами древнерусских книжников, но и с точки зрения папских дипломатов.

Взгляды эти существенно разнятся. Сведения о посещении Александра папскими легатами содержится в «Житии». Результат встречи в нем показан как весьма решительный отказ князя от какого бы то ни было сотрудничества с па-

⁵⁴ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. М., 1989. С. 143.

⁵⁵ Хроника Тевтонского ордена / Пер. В. В. Бегунова, И. Э. Клейненберг, И. П. Шаскольского // Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. С. 237.

⁵⁶ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. С. 145.

пой. Автор житийного текста влагает в уста князю гордую речь: «Отъ Адама до потопа, от патопа до разделения языкъ, от разъмешения языкъ до начяла Авраамля, от Авраама до проитиа Иисраиля сквозе море, от исхода сыновъ Иисраилевъ до умертвия Давыда царя, от начала царства Соломона до Августа и до Христова рожества, от рожества Христова до страсти и воскресения, от въскресения же его и на небеса възшествия и до царства Константинова, от начала царства Константинова до перваго збора и седмаго — си вся добре съведеаеь, а от вас учения не приемлем»⁵⁷. Князь перечисляет основные вехи священной истории для того, чтобы показать, что он вполне осведомлен о христианском взгляде на историю человечества и поэтому не нуждается в принятии нового учения. Послы вынуждены возвратиться восвояси.

На фоне решительного житийного Александра, Александр папских посланий выглядит иначе. Следует отметить, что в посланиях очень детально проговаривается не столько позиция автора, сколько, как ни странно, позиция адресата.

В первом послании папа обращается ко князю, называя его благородным герцогом Суздальским (по фамильной принадлежности). Из него выясняется, что, по мнению папы, отец Ярослава перед смертью принял католичество. В связи с этим, папа приглашает Александра последовать примеру отца, аккуратно намекая, что в случае признания власти папы, силы Тевтонского ордена могут быть направлены на помощь против татар.

Казалось бы, послание должно внести существенные коррективы в наши представления о церковно-политической ситуации в северо-восточной Руси. Принявший католичество великий князь Владимирский — это серьезно. Почему же никто из историков не спешит вносить коррективы в привычную концепцию развития отношений Руси с папским престолом?

Дело в том, что Иннокентий IV указал источник сведений о крещении князя — это сообщение Иоанна де Плано Карпини. Папа сообщает: «как стало нам известно из сообщения возлюбленного сына, брата Иоанна де Плано Карпини из Ордена миноритов, поверенного нашего, отправленного к народу татарскому, отец твой, страстно вожделев обратиться в нового человека, смиренно и благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви, матери своей, через этого брата, в присутствии Емера, военного советника. И вскоре бы о том провели все люди, если бы смерть столь неожиданно и счастливо не вырвала его из жизни»⁵⁸. Между тем, упомянутый Иоанн оставил подробнейшее описание своего путешествия, в котором не упоминает ни словом о таком крещении. По мнению В. И. Матузовой и Е. А. Назарова, в своем донесении о результатах дипломатической миссии посол преувеличил свои успехи. Но не стал этого делать в произведении, написанном для потомков⁵⁹. То есть папа не располагал всей полнотой информации о происходящем.

Что конкретно ответил Александр на это послание — неизвестно. Однако можно с уверенностью сказать, что это не был решительный отказ. Поскольку за первым посланием последовало второе. В нем Иннокентий IV именуется Алек-

⁵⁷ Житие Александра Невского. С. 366–368.

⁵⁸ Послание папы Иннокентия IV князю Александру Ярославичу 23.1.1248 // Матузова В.И. Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII — 1270 г. С. 264.

⁵⁹ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII — 1270 г. С. 266.

сандра уже «сиятельным королем Новгорода». Общий тон послания отличается от первого. Он уже не вкрадчиво-осторожный, а уверенно-ободренный. В нем папа излагает свой взгляд на самого Александра. По его мнению, «король» «прозорливо обрел путь», который позволит ему «весьма легко и быстро достичь врат райских». Папа выражает глубокое удовлетворение тем, что Александр предложил воздвигнуть в Пскове кафедральный собор для латинян. Иннокентий IV пишет: «Мы, нежно заключаю тебя как избранного сына Церкви в объятия наши, испытываем чувство умиления, равное тому чувству сладости Церкви, что ощутил ты, обретающийся в столь отдаленных краях, там, где множество людей смогут по примеру твоему достичь того же единения»⁶⁰.

Казалось бы, после столь трогательных строк, между переговаривающимися сторонами должно наступить полное взаимопонимание и согласие. Может создаться впечатление, что Александр заключил едва ли не союз с католиками, и тогда, конечно, житийный образ новгородского князя не имеет ничего общего с реальностью.

Но такой вывод был бы слишком поспешным. Для анализа этого противоречия нужно, во-первых, нужно принять во внимание некоторую дезориентацию папы относительно реальных успехов католической проповеди на Руси, очевидную из первого послания. Отчасти из-за стремления агентов выглядеть лучше в глазах священноначалия, отчасти из-за дипломатического стремления самого папы представить отношения лучше, чем они есть на самом деле, тон посланий в своей оптимистичности вряд ли соответствовал реальному положению вещей.

Во-вторых, необходимо принять во внимание время, когда были написаны эти послания — 1248 год. В эту пору Александр находился в Орде и был занят урегулированием других, гораздо более насущных и опасных проблем. Отвергать «мирные инициативы» папского престола, да еще сдобренные намеком на возможную военную помощь, в таком положении не имело смысла.

В-третьих, и это, пожалуй, самое важное, ожидаемого продолжения начавшееся, казалось, успешно общение не имело. В отличие от Даниила Романовича Галицкого, дошедшего в своих отношениях с курией до венчания князя папскими легатами королевской короной, Александр Ярославич на последнее послание папы не ответил. Оптимизм понтифика оказался преждевременным. Отношения были полностью заморожены и более не возобновлялись. Пришлось папским агентам искать другого претендента на роль католического короля Руси. И он был найден. Летописная статья⁶¹ о принятии королевского титула Даниилом Галицким в 1255 г. предельно ясна: папа присылает Даниилу «послы честны, носяще венец, и скипетръ и короуноу еже наречетесь королевский санъ». Сначала князь отказался от ничего не значащей для него чести, но потом, получив заверения в помощи против татар, которая пойдет «в приложение» к короне, «Данило же прия от Бога венец в городе Дорогычине». Помощи, однако, не последовало. И когда это стало понятно, Даниил перестает пользоваться королевским титулом и продолжает именоваться в летописном тексте князем. По всей видимости, пустота обещаний папы стала понятна Александру на более

⁶⁰ Послание папы Иннокентия IV князю Александру Ярославичу 15.IX.1248 // *Матузова В. И. Назарова Е. Л.* Крестonosцы и Русь. Конец XII — 1270 г. С. 269–270.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 826–827.

раннем этапе. Это уберегло его от напрасных надежд и попыток получить военную помощь в обмен на религиозную зависимость.

Описанные события разворачиваются на фоне Батыева нашествия, которое обрушилось на Русь. Под 1238 г. летописец довольно подробно пишет о событиях, произошедших в остальных районах страны. Однако, как известно, боевые действия не дошли до Новгорода. Поэтому уже следующей, 1239 г. отмечен только рассказом о женитьбе князя и строительстве «городков» по р. Шелони, и вплоть до 1242 г. татарская тема в новгородской летописи не возникает. В 1242 г., в год Ледового побоища, Ярослав Всеволодович — отец Александра, взшедший на владимирский престол после гибели его старшего брата Юрия, впервые едет в Орду — договариваться. И это ему удается. Ордынские власти признают его права на титул и власть.

По этой причине еще Л. Н. Гумилевым была запущена в оборот не имеющая абсолютно никаких оснований история о том, что Александр стал приемным сыном хана Батыея. Дж. Феннел, а вслед за ним и И. Н. Данилевский, А. С. Сахаров и пр. расценивают политику Ярослава и Александра как предательскую. Историки разрушают «пиитический миф», формируя представление об Александре как о беспринципной фигуре. Однако эта точка зрения на деятельность князя, получив весьма широкую популярность, не стала, тем не менее, решающей.

Весьма удачную «деконструкцию деконструкции» провел А. А. Горский, показавший, что большая часть выводов «деконструкторов» не имеют достаточного источниковедческого и даже чисто логического обоснования. Ярослав вряд ли мог получить весть от Юрия с просьбой о помощи — путь из Суздаля в Киев был перекрыт монголами. Оказать помощь в битве на р. Сити Ярослав не мог — киевское войско в сложной ситуации не пошло бы помогать владимирскому князю в его борьбе, пока их беда не коснулась, то же касается и новгородского войска. Никаких ощутимых династических предпочтений Александр от монголов не получил — взшел на престол по надлежащей очереди. Никаких результативных переговоров с папой Иннокентием IV Александр не вел, и как только стало ясно, что военная помощь крестоносцев не даст возможности освободить Русь от восточной напасти — всякое общение прекратил. Братьев не предавал. Рати татарские на Русь не наводил. В общем, все оказалось «скучно». Александр «действовал как расчетливый, но не беспринципный политик», — резюмирует свои доводы А. А. Горский⁶².

В 1247 г. состоялся первый визит Андрея в Орду. Важно отметить, что поездки в Сарай были чрезвычайно тяжелым делом. О том, какие трудности поджидали путешественника, пересекавшего из края в край евразийский континент, подробно написал в своем путевом отчете все тот же Иоанн де Плано Карпини (Джованни дель Плано Карпини). На то, чтобы достичь Каракорума, в те времена уходило около года. Ехать нужно было на выносливых монгольских лошадаках, обладавших умением находить корм под снегом. Европейские лошади не выдерживали трудностей пути — они не умели находить себе пропитание в тяжелых условиях сибирской зимы. Ночевки устраивались в чистом поле, поскольку огромные пространства, отделявшие Русь от Монголии, были почти без-

⁶² Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 223.

людны: никаких селений, где можно было бы найти приют, даже обладая значительными средствами, не было.

Но по достижении цели путешествия настоящие трудности только начались. Сам Плано Карпини посетил ханскую ставку в то самое время, когда там присутствовал отец Александра — великий князь владимирский Ярослав Всеволодович. Старейший князь Руси оказался там одним из многих приехавших, чтобы почтить избрание нового хана. Его, совместно с многочисленными послами и коронованными особами — султанами, вождями и царевичами, держали за оградой Ставки. Плано Карпини отмечает, что среди всей этой толпы послов Ярослав и он сам получили высшее место. Это была честь, но весьма относительная. Монгольское гостеприимство было смертельно опасно. Итальянский монах пишет о великой чести, которой удостоился Ярослав. Ему из своих рук дала есть и пить мать хана Гуюка — Туракина-хатун. После визита Ярослав занедужил и умер. Причем, «все тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею»⁶³. Умертвив отца, ханша звала к себе и сына — Александра, но тот не поехал.

Смерть была не единственным несчастьем, которое могло приключиться во время поездки. Монах-францисканец рассказывает о печальной судьбе юного черниговского князя Андрея, прибывшего в ставку Бату-хану с вдовой старшего брата, убитого монголами. Юный князь приехал для того, чтобы просить хана не отнимать их земли. Решение хана было вполне в духе монгольских обычаев: он приказал юному князю взять в жены вдову старшего брата. Князь наотрез отказался. «А Бату тем не менее передал ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным»⁶⁴.

Смерть и унижение в самых разных формах поджидали во вражеском стане на каждом шагу. Поездки в Орду требовали от князя больше выдержки и личного мужества, чем лихая сеча. И, тем не менее, в 1247 г. Александр и Андрей Ярославичи вынуждены были поехать — решалась судьба великокняжеского престола. Александр получил Киев и был объявлен формальным великим князем всея Руси, а Андрей — северо-восточную столицу — город Владимир. Поскольку после разрушения монголами Киев лежал в руинах, Александр своей резиденцией определил Новгород.

Дальнейшие события вызывают у историков споры. Фактическая сторона дела такова: в 1252 г. Александр едет «в татары», поездка эта была связана с тем, что к власти в Каракоруме пришел новый хан — Менгу, отменивший все указы, пайцзы, рескрипты и ярлыки своих предшественников⁶⁵. Требовалось получить ярлык на княжение заново. Вернулся Александр, получив старейшинство⁶⁶. В том же году летопись отмечает странный бунт его брата Андрея, о котором сказано так: «В то же лето здума Андрей князь Ярославич с своими бояры бегати, нежели царем служити и побеже в неведому землю». Ответом на бунт был карательный подход — известная «Неврюева рать». Татарский царевич Неврюй раз-

⁶³ Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. М., 1957. С. 78.

⁶⁴ Там же. С. 31.

⁶⁵ Карпов А.Ю. Александр Невский. М., 2010. С. 164.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 473.

громил полки Андрея и тот вынужден был в самом деле бежать. Место подавше-
гося в бега брата занимает Александр — садится на Владимирский престол.

Как видим, на первый взгляд, наибольшую пользу из событий извлек именно Александр Ярославич, объединивший в своих руках власть над всей Русью. Это дало основание подозревать Александра в том, что «заказчиком» татарской рати был именно он. Однако при оценке названных событий следует учитывать, что пять лет спустя, в 1257 г., братья совместно едут в Орду и в дальнейшем никакой враждебности друг к другу не проявляют. Вряд ли такое было возможно после грандиозного предательства.

Вероятней, что бунт Андрея был эмоциональной вспышкой, вызванной нежеланием ехать в Монголию. Нужно помнить, что даже в конце XV в., перед самым падением ордынского ига, перспектива битвы пугала Ивана III меньше перспективы личного визита к хану Ахмату.

В сложившейся ситуации старшему брату пришлось взять всю власть, а значит и ответственность, на себя. Население северо-восточной Руси жестоко пострадало, но брат Андрей остался цел и невредим, смог со временем вернуться домой. Открытый бунт был ему прощен ордынскими властями, которые, в общем, были не склонны никому ничего прощать. Могло ли это случиться без действительного участия Александра? Вряд ли.

В целом, во второй половине жизни Александру Ярославичу приходилось решать гораздо более сложные «политические уравнения». Не было в них уже ничего от героической ясности Невской битвы. Решительности и храбрости было недостаточно. Нужен был политический расчет и умение жертвовать второстепенным ради главного.

Примером такого «уравнения» может служить перепись населения, дошедшая до Новгорода в 1257–59 гг. Новгородцы взбунтовались. По мнению многих исследователей, причины бунта были по сути своей религиозными. Перепись воспринималась как знак Антихриста⁶⁷. Горожане едва не перебили татарских численников. Движение увлекло даже сына Александра — юного князя Василия.

Важно, что особенно решительно против татар были настроены городские низы. Что могли знать новгородские «меньшие» люди о татарах в 1259 г., т.е. двадцать лет спустя после Батыева нашествия, которым, к слову сказать, Новгород затронут не был? Ровным счетом ничего. Поколение сменилось — исчез страх, исчезло и понимание. Но Александр знал, какое может последовать наказание. Он не раз бывал в Орде, представлял силу и жестокость ханской власти. Поэтому он сам весьма жестко усмирив новгородцев и дал возможность ханским чиновникам пересчитать дворы. Сына же в наказание отправил в Низовскую землю (т.е. в Северо-Восточную Русь), домой, под свой контроль. А вместо него посадил в Новгороде другого сына — Дмитрия.

Поступок его выглядит неприглядно: не поддержал вспышку патриотического подъема. Но его мировоззренческий горизонт был несоизмеримо шире, понимание ситуации глубже. Благодаря князю Новгород оказался не затронут масштабными татарскими ратями.

Смерть Александр принял, защищая Русь от очередной напасти, исхо-

⁶⁷ Карпов А.Ю. Александр Невский. С. 188.

дившей из Орды. По всей империи Чингизидов шла активная борьба за власть. Для борьбы нужно было не только золото, но и воины, которых монгольские власти требовали, в том числе и от Руси: «Бе же тогда нужда велика от иноплеменникъ, и гоняхут христианъ, веляще с собою воиньствовати. Князь же великий Александръ поиде к цареви, дабы отмолити людии от беды тоя».

«Отмолити людей от беды» Александру удалось. Однако поездка эта стала для него последней. Хан Берке, младший брат умершего уже к тому времени Батыея, задержал его у себя. Александру пришлось зазимовать «в Татарехъ». Там он разболелся. Возможно, причина болезни князя, которому едва исполнилось сорок лет, была та же, что свела в могилу его отца — яд. Обратного он возвращался уже больным. До дома он так и не доехал. Почувствовав скорую смерть, он остановился в поволжском городе Городце, где и скончался, приняв перед смертью монашеский постриг.

Тело его было привезено во Владимир и положено в монастыре Рождества Богородицы. Согласно «Житию», погребение его сопровождалось чудом. В тот момент, когда Севастьян-эконом и Кирилл-митрополит хотели разжать его руку, чтобы вложить грамоту с разрешительной молитвой, он «аки живъ сущи, распростеръ руку свою и взят грамоту от руки митрополита».

Князь был похоронен, однако, приключения его на этом не завершились. Причем, коснулись они не только исторической памяти о его деятельности, о чем было сказано выше, но и его тела. В знаменательном для истории России 1380 г. были обретены нетленные мощи и выставлены на поверхность в соборе.

В 1491 году, 23 мая, в г. Владимире случился пожар, уничтоживший почти весь город. Никоновская летопись сообщает: «згорел градъ Володимиръ весь и съ посады; и церковь Пречистыя Рождество в монастыре внутри града выгоре, и тело князя великого Александра Невского згоре»⁶⁸.

Однако в парадном Лицевом своде, Степенной книге⁶⁹, а так же в Синодальном списке Воскресенской летописи содержится иная история, озаглавленная: «Чюдо. О явлении на воздухе святаго и великого князя Александра Невскаго, и о пожаре Володимирскомъ», которая является, несомненно, поздней вставкой, сделанной, надо полагать, книжником из кружка митрополита Макария. Вероятно, автором этого пассажа является митрополит Афанасий — автор Степенной книги (по стилистике отрывок выбивается из летописного текста, но вполне органично смотрится в составе Степенной книги).

Согласно этой истории пожар во Владимире действительно произошел. Однако ему предшествовало чудесное явление: «отъ самого верха церкви тоя видеша необычно видение, яко облакъ легкий протязашеся, или яко дымъ тонокъ извивася, белостию же яко иней чистъ, светлостию же яко солнцу подобообразно блещася, идеже тогда въ тонкости и светлости облака того видеша подобие образа блаженнаго великаго князя Александра на кони быстру яко къ небеси изимаяся яздеща»⁷⁰. Затем произошел пожар. Церковь внутри вся выгорела вместе с людьми. Однако пелена, который был покрыт гроб оказалась нетронута огнем. Мощи уцелели и продолжили чудотворить.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. Стб. 229.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 569.

⁷⁰ Там же. Стб. 229-230; ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. Стб. 221-222.

В свете вышесказанного интересно было бы провести генетическую экспертизу имеющихся останков и сравнить результаты с живущими отпрысками рода Рюрика. Прямых потомков Александра Невского на сегодняшний день не осталось. Но вообще Рюриковичей немало. Самые близкие из ныне живущих родственников Александра Невского — представители рода князей Шуйских, происходящих от младшего брата Александра — Андрея. Таким образом, технически такое исследование возможно. Но проведение его, в лучшем случае, дело будущего.

В заключение следует сказать, что «исторические нарративы», касающиеся древнерусской истории, — не настолько рыхлая конструкция, как кажется при поверхностном взгляде. Они являются плодом долгой скрупулезной работы далеко не глупых людей. Каждый факт неоднократно проверен, каждая логическая связь закалена в ходе жестких дискуссий. Увы, очень многое в истории Древней Руси, скорее всего, никогда не будет установлено бесспорно. Многие гипотезы обречены оставаться гипотезами, и никогда не станут тем, что на быденном языке именуется «проверенными фактами». Но, тем не менее, большая часть того, что школьник узнает об Александре Невском в пятом классе средней школы, достаточно легко выдерживает испытание деконструкцией и не нуждается в догматической апологетике.

Источники и литература:

1. Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. М., 1957.
2. Житие Александра Невского // БЛДР. Т. 5. XIII в. СПб.: Наука, 1997.
3. Повесть о битве на Лишице // БЛДР. Т. 5. XIII век. СПб., 1997.
4. Послание папы Иннокентия IV князю Александру Ярославичу 15.IX.1248 // Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII — 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002.
5. Поучения и молитва Феодосия Печерского // БЛДР. Т. 1. XI—XII века. СПб., 1997.
6. Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955.
7. ПСРЛ. Т. 1. М., 1997.
8. ПСРЛ. Т. 2. М., 1998.
9. ПСРЛ. Т. 3. М., 2000.
10. ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859.
11. ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901.
12. ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913.
13. ПСРЛ. Т. 24. М., 2000.
14. ПСРЛ. Т. 41. М., 1995.
15. Расписание степеней родства и свойства, препятствующих браку // Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч.1. Памятники XI—XV в. СПб., 1880.
16. Рифмованная хроника // Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII — 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 230.
17. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. СПб., 1784.
18. Хроника Тевтонского ордена / Пер. В. В. Бегунова, И. Э. Клейнберга, И. П. Шаскольского // Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Под ред. Г.Н. Караева. М.:Л., 1966.
19. Баумгартен Н.А. К родословию великих князей Владимирских. Мать Александра Невского // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1908. Вып. 4 (16). С. 21–23).
20. Березжков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1967.

21. *Бескровный А.* Святой благоверный великий князь Александр Невский (иконы и церковно-монументальная живопись) // Православный взгляд. 2011, № 4(15).
22. *Горский А.А.* Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004.
23. *Карамзин Н.И.* История государства Российского. Т. 4. СПб., 1918.
24. *Карпов А.Ю.* Александр Невский. М., 2010.
25. *Клосс Б.М.* Предисловие // ПСРЛ. Т.41. М., 1995.
26. *Косткин В.В., прот.* Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия. Краткие исторические сведения с приложением описи сохраняющихся в них древних предметов. Ч. 1. Монастыри. Владимир, 1906.
27. *Кучкин В. А.* О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. №2.
28. *Кучкин В.А.* Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. №. 5.
29. Ледовое побоище 1242. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Под ред. Г.Н. Караева. М.;Л., 1966.
30. *Литвина А.Ф., Успенский Ф. Б.* Близкородственные браки Рюриковичей в XII в. как предмет вспомогательно-исторического исследования // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV международной научной конференции. Москва 31 января — 2 февраля 2013 г. Ч. 1. М., 2013.
31. *Минин С.Н., свящ.* Очерки по истории Владимирской епархии. (X–XXвв.). Владимир, 2004.
32. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / С предисл. и под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
33. *Одесский М.П.* Поэтика власти в Древней Руси // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2000. № 1.
34. *Петров А.В.* Несколько замечаний о древнерусском «одиначестве» // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. № 6.
35. *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. М., 1989.
36. *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
37. *Чичуров И.С.* Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М., 1991.
38. Birger jarl växer fram // Svenska Dagbladet. 2010. 7 apr, 2010
39. Birger jarls ansikte. URL: <http://medeltidsmuseet.stockholm.se/utställningar/Museet/birger-jarls-ansikte>